

Художественно-философская интерпретация свободы и необходимости И. С. Тургенева в парадигматическом контексте аксиологического онтологизма XX века

В. М. Головки

(СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ, г. СТАВРОПОЛЬ)

В статье рассматривается вопрос об обогащении философского дискурса данными художественного философствования на материале интерпретации бинарной оппозиции «свобода — необходимость» в «Necessitas, Vis, Libertas» И. С. Тургенева.

Образно-ритмический ряд стихотворения является литературной парафразой учения о «слоях» сущего: средствами персонификации абстрактных понятий символизируются и объективируются «низшие» (Необходимость, Сила) и «высшие» (Свобода) слои бытия в их философских соотношениях. Связывая Необходимость и Свободу через Силу, писатель следовал традициям понимания бытия как порядка «слоев» сущего. Предвосхищая «логику сердца» М. Шелера и апоретику Н. Гартмана, И. С. Тургенев свободу рассматривал как одну из основных форм бытия, которая, будучи феноменом «высшего» слоя, не полностью детерминирована «низшими».

У героев Тургенева сохраняется право на нравственный выбор или стремление к нему. Портрет с его изобразительно-выразительными возможностями становится основной формой раскрытия нравственно-философской идеи. Психологически насыщенное описание внешнего облика Свободы фиксирует ее возможности обнаруживать себя в свободном целеполагании. Ситуация выбора, а не прихотливый произвол, создает «добавочный» смысл, который в философии Н. Гартмана связывается с пониманием ситуации как поля деятельности, как части бытия, как реализации содержания этического поступка.

Художественная философия Тургенева является выражением его самобытной этики, не противопоставляемой онтологии. В основе этой этики лежит гуманистическое начало как сущностное свойство «живой» человеческой духовности. Вопрос о свободе воли всегда стоит в центре проблемы личности, которая прежде всего интересует художника. Экзистенциальный уровень его рассмотрения в произведении Тургенева предвещает гартмановскую идею «человеческого», «живого» как качества «высшего» слоя бытия, согласно которой воздействие «идеальных» ценностей на реальное бытие осуществляется посредством человека и его свободы. «Категория живого», которую представители аксиологического онтологизма XX века учитывали при анализе отношений «низшего» и «высшего» слоев, вносила существенные коррективы в трактовку специфики нравственной свободы человека. В художественной философии Тургенева и аксиологии Н. Гартмана и М. Шелера общими являются оппозиция детерминированности реального мира и автономности, самодостаточности идеальных ценностей, интерпретация духовности как исторического по своей сути уровня бытия.

Трактовка свободы и необходимости в системе ценностных представлений русского писателя-мыслителя предвосхищает освещение проблем онтологии человеческой жизни в феноменологической аксиологии XX в.

Ключевые слова: И. С. Тургенев, философия литературы, философия в литературе, онтология, аксиология, антропология, диалектика, свобода, необходимость, свобода воли, учение о слоях, нравственный выбор.

Один из основных аспектов философии литературы — «философия в литературе» (Maskey, 2002), предполагающий анализ вопросов метафизики, познания, антропологии, этики и т. д. литературных текстов, связан с художественным осмыслением проблем, которые в системном виде становятся предметом и формой онтологической рефлексии писателя. Актуальной задачей современной науки является рассмотрение того, как посредством разных типов литературного выражения совершенствуется, обогащается философский

дискурс, поскольку в языке мировой гуманитаристики конца неклассического и постклассического этапов ее развития отчетливо проявляются процессы «эстетизации разума», взаимопроницаемость форм философско-теоретического метанарратива и художественного повествования. Словесное творчество, отвечающее критериям классической образцовости, характеризуется прежде всего таким качеством, как философичность, поэтому писатели могут предвосхищать интеллектуальные инновации мыслителей. Анализ произведений И. С. Тургенева, которые продолжают свою жизнь в движении эпох, в «большом историческом времени», позволяет убедиться в этом, и не случайно как в России, так и за рубежом уже появилось немало исследований, посвященных анализу предэкзистенциальных мотивов в творчестве великого писателя. Вопрос о проблемно-типологических соотношениях творчества И. С. Тургенева с концепциями аксиологического онтологизма XX столетия поднимается впервые.

Совершенно особой, своеобразной формой нетеоретического философствования являются такие литературные произведения, в которых абстрагированные категории и понятия обретают черты словесного образа. Яркий тому пример — входящее в лирико-философский цикл «*Senilia*» (1878–1882) И. С. Тургенева стихотворение в прозе «*Necessitas, Vis, Libertas* (Барельеф)», в котором предметом художественной интерпретации становятся категории свободы и необходимости.

Композиционно произведение организовано образным ритмическим рядом некоего условно замкнутого пространства «барельефа»: три символические фигуры создают явно не пропорциональную картину. «Высокая костлявая старуха» (Необходимость) толкает «женщину... огромного роста» (Силу), а та — в свою очередь — «небольшую, худенькую девочку» (Свободу). Сравнительные величины внешних характеристик («высокая», «огромная», «небольшая») внутренне связаны с идейно-эмоциональным содержанием художественно-философского образа: алогизм ритмического ряда (не «огромная», «высокая», «небольшая», а совсем иной рисунок, нарушающий этот «порядок») обусловлен воплощением идеи, фиксирующей строгую упорядоченность законов бытия, далеких от ценностных человеческих представлений о его целесообразности.

Образно-ритмический ряд стихотворения является литературной парафразой не только изобразительных архетипов, но и аксиологического учения о «слоях» сущего, различаемых еще со времен Аристотеля. Тургеневские «героини», по сути, символизируют и объективируют «низшие» и «высшие» слои бытия в их философской корреляции. «Низшие» (Необходимость и Сила) являются носителями «высшего» (Свободы), они более сильные (как видим, у Тургенева это положение даже олицетворяется образом Силы), но «высший» слой обретает новое свойство, не присущее «низшим», — способность к свободному выражению своей сущности (опять-таки философская идея, персонифицированная в образе Свободы). В философии данный тезис нередко иллюстрируется корреляциями неорганического (низший слой) и органического (высший слой): неорганическое сильнее органического, долговечнее, устойчивее, прочнее и т. д., но органическое как *живое* свободно по отношению к неорганическому. Свобода и Необходимость в трактовке И. С. Тургенева соотносятся как взаимосвязанные сущности, первая из которых персонифицирует (и это принципиально важно) начало «*оживленности*» (Тургенев, 1967: 171). Н. Гартман в своей «Этике» (1926) писал: «Каждому слою может соответствовать свой собственный категориальный комплекс, которому соответствует собственный тип детерминации. Итак, по законам наслоения, категории каждого более низкого слоя повторяются на более высоких, приобретая специфическую новизну, так, естественно, и более низкие типы детерминации повторяются в более высоких» (Гартман, 2002: 588). На детерминационные типы Необходимости и Силы как «низшие» слои «наслаивается» Свобода как «высший» слой, воплощающий новое качество *живого*, и это

трансформирует жесткое предопределение основанного основанием. «Живое», воплощенное в образе Свободы, привносит нравственный аспект, не входящий в компетенцию «низших» слоев. Предвосхищая «логику сердца» М. Шелера и апоретику Н. Гартмана, придавших уже в XX в. аксиологии системный, целостный характер, разработавших парадигму аксиологического онтологизма, Тургенев, по сути, свободу рассматривал как одну из основных форм бытия, но при этом показывал, что, будучи феноменом «высшего» слоя, она не полностью детерминирована «низшими» (в тургеневском стихотворении — Необходимостью и Силой). (Впоследствии именно Н. Гартман утверждал, что детерминированным полностью является реальный мир, а не мир ценностей, составной частью которого является свобода: у немецкого философа феноменологический аспект бытия оказывается в компетенции аксиологии, а постижимый, познаваемый, детерминированный — в ведении онтологии.)

Казалось бы, отвлеченные понятия в прозаическом стихотворении Тургенева потому приобретают конкретно-индивидуальный облик, что воздействие необходимости и силы ощущает каждое разумное существо, обладающее потребностью в свободе. Сущность абстрактных категорий имеет свое конечное выражение в конкретном, в индивидуальном существовании, которое подчинено общим закономерностям. Отвлеченное, живущее в то же время в каждом отдельном явлении, воплощается в тех символических «типах индивидуальностей», в обрисовке которых нет ничего случайного. Портрет с его изобразительно-выразительными возможностями становится основным средством раскрытия нравственно-философской идеи. Эта форма типизации присуща прежде всего эпическим произведениям: именно в них портрет выполняет важную характерологическую и индивидуализирующе-обобщающую функции. Образы Необходимости и Силы раскрываются средствами статичных, а Свободы — психологизированных описаний. В портретах подчеркнуты лишь основные, преобладающие черты: у Необходимости — «железное лицо», «неподвижно-тупой взор», рука «сухая, как палка», у «дебелой» Силы — «крохотная головка на бычачьей шее», «мышцы, как у Геркулеса», слепота. И лишь у Свободы — «зрячие глаза», «тонкие, красивые руки... оживленное лицо» (Тургенев, 1967: 171). Богатство оттенков в портретном описании можно обнаружить лишь у Свободы: ее лицо «выражает нетерпенье и отвагу» (там же). Но и такое описание подчинено задаче воссоздания сущности тех категорий, которые персонифицированы в этих образах. Комментарии как такового в изобразительно-выразительном портрете нет, но идейно-эмоциональные вершины текста фиксируют интенциональные установки автора и его отношение к изображаемому.

В стихотворении Тургенева портрет превращается в символ, достаточно однозначный и всеобщий. При этом в процессе работы сформировался удивительно точный, причинно обусловленный, внутренне оправданный — при всей своей пространственной «нелогичности» — образный ряд стихотворения. В перечне замыслов чернового автографа («Сюжеты») это произведение первоначально имело название «Сила — [Право] — Свобода — Необходимость» (Тургенев, 1967: 603), что внутренне связывало его с идеями, изложенными в четвертой части «Философии истории» Гегеля (Гегель, 1935: 410). В окончательном тексте Тургенев упорядочил ритмический рисунок в соответствии с философской концепцией единства противоположностей (необходимость — свобода), отказавшись от понятия «право», не имеющего столь универсального значения, как «необходимость, сила, свобода», и заключающего в себе определенный социальный опыт. Но то, что связующим звеном между менявшимися местами «необходимостью» и «свободой» оказывается «сила», придает концепции произведения совершенно особый художественный смысл, поскольку в философских системах предшественников и современников Тургенева вряд ли можно найти такие прямые категориальные аналогии. Художественная философия Тургенева является выра-

жением его самобытной этики, в основе которой лежит гуманистическое начало как качество человеческой духовности, не противопоставляемой онтологии (как у Шопенгауэра, например).

Свобода в тургеневском стихотворении является сущностью, неравнозначной по своему значению Необходимости. Напротив, она повинуетя Необходимости через действие Силы. Строго говоря, это не единство равных противоположностей, а жесткая подчиненность одного другому. Такая идея заложена на первый взгляд в динамичной статике образа. При этом властвует вовсе не культ силы: ею тоже управляют общие закономерности. Но то, что «небольшая, худенькая девочка» (Свобода) не может противостоять «могучей» Силе и тем более — Необходимости, подчеркивает ее зависимое положение, т. е. означает, по сути, ограниченность свободы воли, отсутствие свободы как абсолютно независимого действия. Свобода в стихотворении в то же время не является *осознанной* необходимостью, поскольку носительница этой сущности «не хочет идти, куда ее толкают...» (Тургенев, 1967: 171). Для автора «Стихотворений в прозе» остается проблематичным представление о свободе как проявлении внутренней необходимости, сформировавшееся в философских системах стоиков, Спинозы, Шеллинга, Гегеля и др. Тургенев всегда оставляет своим героям право на нравственный выбор или стремление к нему. Итак, философская идея, обретающая жизнь только в нравственном контексте, «опредмечена» в «скульптурном» образе.

Психологически насыщенный портрет становится формой выражения *видения* (как индивидуального восприятия и способности к выбору) Свободы, которое проявляется в возможности «героини» проецировать себя на самостоятельно выбранные средства, способы самореализации, т. е. обнаруживать себя в свободном целеполагании. Именно *так* и в *этом* самоидентифицируется Свобода в стихотворении Тургенева.

Показывая, что Свобода является не свойством субъекта, а его *сущностью*, писатель невольно предвосхищал экзистенциализм Сартра, доказывавшего, что человек достоин того, что с ним происходит, что он не может отличаться от своей свободы, а свобода не может отличаться от ее проявлений. Приближение Тургенева к экзистенциальной трактовке сущности Свободы подтверждается еще и тем, что у писателя отсутствуют дефиниции этого понятия, традиционно фиксируемые в истории философии, например свободы от судьбы, причинности (как обусловленности), препятствий, социального деспотизма (как у философов античности) от религиозного ригоризма (как у мыслителей Средневековья), от всего, что стесняет гармоническое развитие личности (как у гуманистов Возрождения), от естественной причинности и закономерности (как у представителей теории естественного права эпохи Просвещения) и т. д. Понятие *творческой свободы*, вытеснившее к XIX в. все выше-названные дефиниции, формировалось, таким образом, и в художественной философии Тургенева. Нравственная свобода субъекта, носителя свободы воли, интерпретируется в произведении Тургенева как особый тип свободы, которой может обладать представитель «высшего слоя бытия», в данном случае — слоя «душевного» и «духовного». Но целостное представление о «героинях» «барельефа» складывается в результате взаимоотражения всех этих изобразительных планов. Поэтика портрета обусловлена не только «материализацией» аллегорий: показательно, что во взаимосвязях Необходимости, Силы и Свободы исключена «случайность». Но эти взаимосвязи вовсе не так однозначны и односторонни, как может показаться на первый взгляд. Дело в том, что Сила в этой цепи взаимодействий лишена самостоятельного значения. Она является лишь орудием выполнения воли Необходимости, следовательно, не имеет субстанционального философского начала. По сути, противодействуют лишь Свобода и Необходимость, т. е. свобода воли и воля необходимости. Не случайно Сила лишена своего «движения», «шага», как это подчеркнуто в ее портрете. Все это говорит о том, что писатель, связывая Необходимость и Свободу через Силу, не только проти-

вопоставляя свое толкование этих категорий тем интерпретациям, которые он мог находить в философских и художественных концепциях других мыслителей и художников, но и следовал традициям понимания бытия как порядка «слоев» сущего. «Категориальной системой» стихотворения отрицается механистическая детерминированность, обосновывается представление о Свободе и Необходимости как единстве неравных противоположностей, «нижних» и «высших» слоев: Свобода в тургеневском произведении именно потому относительно самостоятельна, что в своих действиях *не* безусловно подчинена Необходимости, хотя и следует путем ее «движения».

Поскольку Свобода интерпретируется в «Стихотворениях в прозе» прежде всего как *свободная воля* («Старуха», «Памяти Ю. П. Вревской», «Порог», «Necessitas, Vis, Libertas», «Встреча» и др.), то не рассматривается в качестве объекта познания (т. е. как «осознанная необходимость»). В черновом автографе стихотворения о Необходимости, Силе и Свободе «небольшая, худенькая девочка» характеризуется как выражение «самовольной удали» (Тургенев, 1967: 461). Вопрос о свободе воли всегда стоит в центре проблемы личности, которая прежде всего интересует любого художника. Совершенно очевидно, что в миниатюре «Necessitas, Vis, Libertas» интерес писателя сосредоточен на состоянии духа Свободы, на рационально не постигаемых ее внутренних, глубинных интенциях. В авторских характеристиках акцентируется «человеческий» тип жизнеотношения, поскольку Свобода в условиях модальности стремится к *выбору*, проецируя себя на свободно выбранную цель: «она упирается, оборачивается назад... не хочет идти, куда ее толкают» (там же: 171), т. е. «предполагает» возможность другого пути движения или другого состояния. Ситуация выбора цели, а не прихотливый произвол создает такой «добавочный» смысл, который много позже в философии Н. Гартмана будет связываться с пониманием ситуации как поля деятельности, как части бытия, как реализации содержания этического поступка («Каждая человеческая ситуация — часть этического бытия»). «Всякая инициатива человека ситуативно обусловлена, но в то же время и формирует ту или иную ситуацию, — писал Н. Гартман в 1935 г. — <...> ...Действовать ситуация принуждает его при любых обстоятельствах. Но то, как ему следует поступать, она ему не указывает. <...> Она есть принуждение к тому, чтобы принять решение вообще, но свобода в том, каким будет это решение... Человек, оказавшись в определенной ситуации, подталкивается ею к свободному решению. Или кратко: однажды наступившая ситуация является для него <принуждением к свободе>» (Гартман, 2003: 430–431). «Человеческое», «живое» как «высший» слой бытия, обоснованное в этике Гартмана, соотносимо с тургеневским изображением Свободы, что и высвечивает дополнительные смыслы данного образа писателя.

Такое «опережение» Тургеневым философского знания его времени, то, что он предвосхищает в известной мере аксиологический онтологизм Николая Гартмана или определение отдельных категорий экзистенциализма Сартра (свободы как субстанции человека, одиночества и т. д.), обусловлено тем, что художественная философия всегда обращена к феномену «живого», «конкретного индивида», а именно эта проблематика актуализировалась в европейской и русской философии начиная с Шопенгауэра, Кьеркегора, с одной стороны, и А. И. Герцена, Н. В. Станкевича, В. Г. Белинского, И. С. Тургенева — с другой. Небезынтересно отметить, что Гартмана сближает с Тургеневым не только рефлексия «слоев бытия» в процессе осмысления действительности, но и представление о том, что ценности воздействуют на реальный мир посредством человека (эти идеи органичны для философии тургеневского «Довольно» или таких «стихотворений в прозе», как «Когда меня не будет...», «Я встал ночью...», «Песочные часы», «Дрозд (I)» и др.); объединяет русского писателя и немецкого философа отсутствие в их аксиологических системах религиозных ценностей; общими для них являются оппозиция детерминированности реального мира и автономности,

самодостаточности идеальных ценностей, красоты; интерпретация духовности как исторического по своей сути уровня бытия и т. д.

И. С. Тургенев, безусловно, вписывался в контекст общекультурного и философского осмысления категории свободы воли. Примечательно, что философы, ее отрицавшие (Гоббс, Локк, Пристли, Гольбах, например), не вызывали у Тургенева никакого интереса: их имена ни разу не упоминаются в произведениях и обширной переписке Тургенева. Отношение Тургенева к философии детерминистов XVII–XVIII вв. сохранялось и в критических оценках толстовской философии свободы и необходимости («Война и мир»). Художественная трактовка связей необходимости и свободы в стихотворении Тургенева «Necessitas, Vis, Libertas» имеет гораздо больше внешних аналогий с идеями крупнейшего немецкого мыслителя Лейбница, к философскому наследию которого он проявлял несомненный интерес. Созвучными Тургеневу могли быть суждения Гегеля о том, что «свобода... является для себя целью, и притом единственной целью духа, которую она осуществляет» (Гегель, 1935: 18), т. е. о том, что в бинарной оппозиции «свобода — необходимость» одно понятие не должно растворяться в другом. Но рассмотрение тургеневской интерпретации универсальных понятий необходимости и свободы в историко-философском контексте, в сравнении с концепциями европейских мыслителей показывает, что писатель дистанцировался от всех известных ему воззренческих систем в решении вопроса о выражении полярностью данных категорий характера связи действительного и возможного, степени зависимости относительного от абсолютного (Головкин, 2014: 101–109), и по этой причине мы не находим соответствующих аналогий в трактовке необходимости и свободы между произведениями Тургенева и философскими текстами его предшественников и современников.

Диалектика свободы и необходимости писателя была ориентирована на обоснование нравственных ценностей, активности человека, на утверждение гуманистических идеалов. Хотя в стихотворении «Necessitas, Vis, Libertas» Свобода «должна повиноваться и идти, куда толкают... ее» Необходимость и Сила, но она, уступая им в количественных характеристиках, превосходит их в качественном отношении как явление «высшего слоя» — в характере мироотношения, в богатстве и многообразии переживаний и действий. Путь вечного движения выбирает не Свобода, но именно она со «зрячими глазами» идет *вперед* Необходимости и Силы, именно с нею связаны такие «человеческие» понятия, как «красота» и «отвага» (Тургенев, 1967: 171). Однако возможное несовпадение «человеческих» ценностей с диктатом Необходимости и воздействием Силы исключает бесстрастность философской «диалектики». Не случайно стихотворение завершается элегическим «эпилогом»: «Necessitas, Vis, Libertas. Кому угодно — пусть переводит» (там же). В нем выражено «человеческое» чувство, знакомое всем тем, кто ощущает противоречие необходимости и свободы, для кого это противоречие всегда является «настоящим».

С этой точки зрения нельзя рассматривать как нечто случайное предвосхищение Тургеневым некоторых философских идей Николая Гартмана и Макса Шелера. Специфика художественно-философской интерпретации свободы в произведении Тургенева, экзистенциальный уровень ее рассмотрения предвещают гартмановскую идею, согласно которой воздействие «идеальных» ценностей на реальное бытие осуществляется посредством человека и его свободы. «Категория живого», которую Н. Гартман и другие философы учитывали при анализе отношений «низшего» и «высшего» слоев, вносила существенные коррективы в трактовку специфики нравственной свободы человека. С этой точки зрения открывается еще одна перспектива в художественной философии Тургенева, «предсказавшего» парадигму аксиологии XX в. и повышенную роль категориального анализа в новой онтологии: свобода предстает у него как имманентная (внутренняя) ценность, ее бытие не сводится лишь

к долженствованию, к некоей императивной норме. И в этом русский писатель опережал создателей философской антропологии и аксиологической теории, отрицавших внешний, трансцендентальный характер ценностного мира, утверждавших объективные, реальные качества их способа бытия, когда это бытие не сводилось к долженствованию, к суждениям, императивам (Плотников, 2004: 21). Противопоставляя «формальному априори» Канта «эмоциональное априори», трансцендентальной логике этого представителя немецкой классической философии «логику сердца», М. Шелер преобразовывал ценностную картину мира («Von Ewigen im Menschen», 1921). Как отмечалось В. И. Плотниковым, ценности становились не внешними (трансцендентальными), а внутренними, утверждалось понимание, что их осуществление, экзистенциальное раскрытие «происходит путем внезапного интуитивного усмотрения, путем созерцания, основанного на чувстве любви, а отнюдь не так, как это выглядит у Канта, — благодаря соединению чистого теоретического разума с чистым практическим разумом» (Плотников, 2004: 21). Тем самым создателям феноменологической аксиологии XX в., М. Шелеру в первую очередь, удалось «преодолеть те теоретические трудности, которые в свое время вынудили Канта строить этику на разных метафизических основаниях» (там же). Поскольку «человеческое», нравственное, «эмоциональное априори» у Тургенева стало сущностным началом в художественно-философской интерпретации свободы, то на основе этики долженствования Канта и кантовской идеи *достоинства* писатель открывал перспективу экзистенциальной, гуманистической трактовки свободы воли. Задолго до философского обоснования шелеровского понимания человека как *ens amans* (существа любящего) в произведениях русского писателя *свободный* нравственный выбор их героев ассоциировался с открытием подлинной сущности человеческого бытия (вспомним стихотворения в прозе «Порог», «Памяти Ю. П. Вревской», «Чернорабочий и белоручка», «Милостыня», «Два богача», «Нищий», даже такие «анималистские» аллегории, как «Воробей», «Морское плаванье», «Голуби»).

В концепции свободы и необходимости Тургенева нельзя отрицать и трагическое начало: осознание необходимости уже потому невозможно, что с «человеческой» точки зрения в определяемых ею закономерностях трудно уловить, куда и во имя чего «высокая костлявая старуха» и «женщина... могучая... с мышцами, как у Геркулеса» «толкают» вперед «небольшую, худенькую девочку» — Свободу. Эти вопросы остаются вечно открытыми в «застывшем настоящем», поскольку мир ценностей «не полностью детерминирован» «низшими слоями бытия». Ценности остаются свободными, и свобода, как любой феномен «высшего» слоя, «живого», всякий раз обнаруживает новые свойства по отношению и в сравнении с ее носителями — слоями «низшими». Свободу Н. Гартман не случайно относил к тем метафизическим проблемам сферы «апоретики» (проблемного мышления), которые до конца не могут быть познаны и осмыслены. Нравственная свобода человека является особой формой «категориальной» свободы: как видим, онтологический смысл философских идей в художественном мире И. С. Тургенева не затмевает, не нейтрализует их «человеческого», «живого» содержания и смысла.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гартман, Н. (2002) Этика. СПб. : Владимир Даль. 708 с.
Гартман, Н. (2003) К основоположению онтологии. СПб. : Наука. 640 с.
Гегель, Г.-В.-Ф. (1935) Соч. : в 14 т. М. ; Л. : Соцэкгиз. Т. 8: Философия истории. 470 с.
Головко, В. М. (2014) Философский дискурс И. С. Тургенева как значимое целое : монография. Ставрополь : Изд-во Северо-Кавказского федерального ун-та. 252 с.
Плотников, В. И. (2004) Аксиология // Современный философский словарь. М. : Академический проект. 864 с. С. 21–22.

Тургенев, И. С. (1967) Полн. собр. соч. и писем : в 28 т. М. ; Л. : Наука. Соч. Т. 13. 736 с.
 Mackey, L. (2002) *An Ancient Quarrel Continued: The Troubled Marriage of Philosophy and Literature*. Lanham : University Press of America. 283 p.

Дата поступления: 31.05.2014 г.

*IVAN S. TURGENEV'S ARTISTIC AND PHILOSOPHICAL INTERPRETATION
 OF FREEDOM AND NECESSITY IN THE PARADIGMATIC CONTEXT
 OF 20TH CENTURY AXIOLOGICAL ONTOLOGISM*

V. M. GOLOVKO

(NORTH CAUCASUS FEDERAL UNIVERSITY, STAVROPOL)

The article discusses the enrichment of philosophical discourse with artistic philosophizing based on interpreting the binary opposition of «freedom» and «necessity» in Ivan S. Turgenev's «Necessitas, Vis, Libertas».

The poem's imagery and rhythm is a literary paraphrase of the doctrine of «layers» of the being. The «lower» (Necessity, Power) and «higher» (Freedom) layers of being are symbolized and objectified by means of the personification of abstract concepts. Linking necessity and freedom via power, the writer followed the traditions of construing being as the order of these «layers». Anticipating M. Scheler's «logic of the heart» and N. Hartmann's aporetics, Turgenev saw freedom as one of the basic forms of being, which belongs to the «higher» layer and is thus not fully determined by the «lower» ones.

Turgenev's characters retain the right for moral choice or at least for striving towards it. Portrait depiction, possessing a certain figurative and expressive power, correspondingly, becomes the main form of revealing his moral and philosophical ideas. Psychologically rich description of Freedom's appearance captures its ability to reveal itself in free goal-setting. The situation of choice, rather than whimsical arbitrariness, creates an «additional» meaning which Hartmann associated with understanding situation as a field of action, as a part of being and as an actualization of an ethical act.

Turgenev's artistic philosophy is an expression of his original ethics, which is not opposed to his ontology. At the heart of this ethics lies the humanistic principle as the essential property of «living» human spirituality. The question of free will is always at the center of the problem of personality, and thus forms the primary focus of the artist's interest. The existential level of Turgenev's view of free will anticipates Hartmann's idea of the «human» and «living» as the feature of the «higher» layer of existence. According to this idea, the impact of «ideal» values on the real being happens through man and his freedom. The «category of the living», taken into account by 20th century axiological ontologists in their analysis of the relations between the «lower» and «higher» layers, substantially adjusted the interpretation of man's moral freedom and its specificity. Turgenev's artistic philosophy and Hartmann's and Scheler's axiology stand together in the opposition between the determinism of the real world and the autonomy and self-sufficiency of ideal values, and in interpreting spirituality as a state of being which is historical by its nature.

The interpretation of freedom and necessity by the Russian writer and thinker thus anticipates the views of the ontology of human life expressed by the phenomenological axiology of the 20th century.

Keywords: Ivan S. Turgenev, philosophy of literature, philosophy in literature, ontology, axiology, anthropology, dialectics, freedom, necessity, free will, the doctrine of the layers, moral choice.

REFERENCES

- Hartmann, N. (2002) *Etika* [Ethics]. St. Petersburg, Vladimir Dal' Publ. 708 p. (In Russ.).
 Hartmann, N. (2003) *K osnovopolozheniiu ontologii* [On the Foundation of Ontology]. St. Petersburg, Nauka Publ. 640 p. (In Russ.).
 Hegel, G.-W.-F. (1935) *Sochineniia* [Works] : in 14 vols. Moscow ; Leningrad, Sotsekgiz Publ. Vol. 8: *Filosofiiia istorii* [The Philosophy of History]. 470 p. (In Russ.).

Golovko, V. M. (2014) *Filosofskii diskurs I. S. Turgeneva kak znachimoe tseloe* [Ivan S. Turgenev's Philosophical Discourse as a Significant Whole]. Stavropol', North Caucasian Federal University Publ. 252 p. (In Russ.).

Plotnikov, V. I. (2004) *Aksiologiya* [Axiology]. In: *Sovremennyyi filosofskii slovar'* [Modern Dictionary of Philosophy]. Moscow, Akademicheskii proekt Publ. 864 p. Pp. 17–22. (In Russ.).

Turgenev, I. S. (1967) *Polnoe sobranie sochinenii i pisem* [Complete Works and Letters] : in 28 vols. Moscow ; Leningrad, Publ. House of the Academy of Sciences of the USSR. Sochineniia [Works]. Vol. 13. 736 p. (In Russ.).

Mackey, L. (2002) *An Ancient Quarrel Continued: The Troubled Marriage of Philosophy and Literature*. Lanham, University Press of America. 283 p.

Submission date: 31.05.2014.

Головко Вячеслав Михайлович — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры отечественной и мировой литературы Северо-Кавказского федерального университета, действительный член Шопенгауэровского общества (Германия) (Schopenhauer-Gesellschaft, Deutschland), член Союза российских писателей. Адрес: 355009, Россия, г. Ставрополь, ул. Пушкина, д. 1. Тел.: +7 (8652) 95-68-00, доб. 42-30. Эл. адрес: vmgolovko@mail.ru

Golovko Vyacheslav Mikhailovich, Doctor of Philology, Professor, Department of Russian and World Literature, North Caucasus Federal University; Full member, Schopenhauer-Gesellschaft (Germany); Member, Union of Russian Writers. Postal address: 1 Pushkin St., Stavropol, Russian Federation, 355009. Tel.: +7 (8652) 95-68-00, ext. 42-30. E-mail: vmgolovko@mail.ru